

На книгу «Наш дом Земля»

Писатель Ольга Равченко, член МГП

С МЕЧТОЙ О ТИХОМ ОКЕАНЕ

1. О Земле

– Ты хоть думаешь головой?!

– Голова, ты думаешь?..

Нет, не думает, иначе бы ответила.

Из разговора с когда-то маленьким сыном

«Земля – это колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели», – этим изречением Константина Циолковского – не исключая, что с должной долей иронии – заканчивается прочитанный мною альманах.

Так случилось, что в конце прошлого года я попала в последний вагон уходящего поезда – проект «Наш Дом Земля!».

Так случилось, что именно одноимённая книга вдруг стала моим собеседником в последние дни уходящего года, прошедшего под эгидой не только МГП, но и Татьяны Кайзер, которая позвонила мне, чтобы уточнить, участник я или судья Киплингковского конкурса, а заодно спросила, послала ли я материал для вышеназванного проекта, про который я слыхом не слыхивала, но тут же отправила Ладе Баумгартен экспромт, поскольку данная тема проходит в моём творчестве красной линией.

Стать полноценным участником презентации альманаха я не могла: мой экземпляр книги долго скитался по Европе, а после особой необходимости немедленно погружаться в её чтение не было, зато теперь – по прошествии целого года – я, похоже, вовремя к ней обратилась.

«Писатели новой эпохи» – с недоверием прочла, взяв впервые книгу. Глянцевая бумага. Обложка – скромный чёрно-зелёный набивной ситчик. Половина незнакомых авторов... Зато теперь, по прошествии года, могу утверждать, что каждый проект Лады Баумгартен – неожиданный поворот, сулящий открытие.

«...современный человек ведёт себя крайне неосмотрительно. [...] ...доколе планета будет терпеть такое отношение?» – практически все авторы разделяют мнение редактора книги и Планеты Живой о том, что время от времени следует прибегать к вынужденной «профилактической дезинфекции, включая защитные механизмы, от слишком зарвавшегося человечества», – как бы brutally это не звучало.

*Да ладно: ведь дом так ничтожен и мал.
Грустить? Но чего это ради?
А дом нам окошечком каждым кричал,
Как будто молил о пощаде.*

*Мы поняли, только почувствовав смог,
Что сами в ответе за это!
Но поздно: уходит земля из-под ног,*

Ведь дом этот – наша планета! –

констатирует Марина Ламбертц-Симонова, передавая слово Татьяне Бадаковой, на земле которой пока ещё всё хорошо: «Промелькнули два озера: одно – ничем не примечательное (если не считать его редкостью в степи), как и полагается по названию, с водой и, естественно, зелёными травянистыми берегами.

А второе – перламутровое, очень необычное, красивое! Оно наполовину высохло и меняло цвет в зависимости от количества воды: с краёв белое – с выступившей на поверхность земли солью, далее розовая полоса – возможно, от остатков растений и рачков, потом жёлтая – песчаная и, наконец зелёно-голубоватая полоса с водой. Возникло вдруг ощущение, что мы оказались на фантастической планете из американских блокбастеров. Вокруг к тому же было пустынно, и... пустыня».

И это ещё не всё: «Полчаса езды по весьма странному асфальтовому покрытию, который почти весь остался на колёсах машин, и мы – у цели. [...] Вот то чудо, на встречу с которым мы мчались... [...] В буддизме лотос символизирует духовность, мудрость, чистый ум. Это образ совершенства и гармонии. Пробиваясь сквозь грязную болотную тину и слои речного ила, лотос однажды проклёвывается над водной гладью, чтобы раскрыться во всей красе. У меня такое не укладывалось в голове, глаз было не отвести. Мозг сопротивлялся нелогичному.

Ступор сменился ликованием, но каким-то непривычным, тихим, со слезами. Такое щемящее чувство у меня возникало при рождении детей. В этот момент стали понятны выражения «затаённая радость», «очарованный странник», «чарующая красота».

[...] Выглянуло солнце – наше, горячее. Лотосы стали ещё ярче, ещё прекраснее, а их аромат, такой неповторимо нежный, всё сильнее кружил голову. Лёгкий свежий ветерок, иногда прилетавший с запада, тревожил камыши – охранников и стражей священных цветов. А большие сочные листья лотосов, словно зелёные корабли инопланетян, приводнившиеся в этом месте и принесшие нам в подарок неземные цветы, слегка покачивались на воде.

[...] И когда есть такие счастливые моменты жизни, человек становится тем, кем должен быть всегда – Человеком. В эти минуты просыпаются все прекрасные инстинкты, хочется любить весь мир, радоваться и делиться своим счастьем».

(Знаю давно, что на Амазонке растёт самый большой в мире лотос – Виктория Регия, диаметр округлых листов которой с загнутыми кверху краями достигает трёх метров. Живёт Виктория Регия до пяти лет. Цветёт раз в году среди лета – в разгар нашей зимы. То, что где-то живёт лотос орехоносный, не только занесённый в Красную книгу России, но и попавший на флаг Калмыкии, узнала впервые.)

И пока Татьяна пребывает в поиске на божественной красоте цветах облика или очертания Будды, меня увлекает «в зеркало нашего мира» Максим Сафиулин: Разучились делать добрые дела. Перестали учиться, но хочется «сразу учить других. [...] Материальных благ в переизбытке, а о морали давно уже никто не думает. [...] Люди перестали постигать и стали поглощать... [...] Мы берём больше, чем нам необходимо, ничего не оставляя взамен. [...] И мы совсем не так велики и всемогущи, как нам порой кажется. Стихия – вот что величественно. И ни один человек не устоит в борьбе с ней. [...] ... ты песчинка в огромных песочных часах, ты здесь временно...» И – парадокс: «Всё зависит от каждого из нас».

Ещё ближе стали мне Бендерская-Колганов. Валентину я готова читать снова и снова – «чтоб добавить ещё одну строчку / оде «К радости», гимну любви», – восхищаясь и обогащая свою память. Леонид Колганов значительно жёстче и, безусловно, дорог.

«Как пишущий фантастику, я могу сконструировать любой сюжет или взять так называемый «бродячий сюжет». Главное, о чем я хочу поговорить с читателем. О чем же писать? О том, что вонзилось в сердце занозой и болит. Мы знаем из истории, что люди всегда с презрением относились к любым цивилизациям, если их величие не сопровождалось агрессивностью и жестокостью. Оставим это историкам», – считает Александр Василенко – и обращается к детской сказке.

Я же окунаюсь в «стремящие нас прочь от этого места мечты» Иланы Городисской: «Сердце рвётся наружу и... вспять», устремляясь на «зов того, кто исчез на несметные годы / И вернулся, чтоб вырвать из вечных оков». Возрождаюсь вместе с героиней: «Вдоль судьбы моей – трещина. / Всё разбилось... На счастье?»

К пандемической ситуации возвращаюсь исключительно с Татьяной Кайзер, поскольку всячески «корону» презираю, игнорирую. Лично я в январе 2020-го надела и с тех пор практически не снимала маску, весной и летом ежедневно подолгу гуляла в сосновом лесу, смотрела российский канал «Культура» и – ежевечерне – интервью и спектакли Владимира Васильева по случаю его 80-летнего юбилея, посещала Литгостиную МГП, работала над тетра книгой, поэтому странным показалось мне однажды стремление Татьяны и не только говорить о зловном вирусе, а сейчас, прочитав рассуждения Татьяны, я... восхитилась: всё разложено по полочкам – здесь беспечно-благополучный социум и растерянность правительств государств, заполненный под завязку слухами информационный вакуум и искажение реальности, искусственно подстёгиваемый уровень тревожности и формирование общей духовной атмосферы в обществе (вся вышеизложенная лексика почерпнута из расследования Татьяны). В двух словах – социальная философия. Скрупулёзный труд. Ненапрасный.

Вопреки неумолимо надвигающемуся Вселенскому потоку, брошенным камням, сожжённым мостам, пролитому на рельсы маслу, по утверждению Ирины Сапир, есть надежда на то, «что ангел снисхождения / за полушаг, за выдох от паденья / на нас возложит лёгкое крыло»; «Шанс всё же есть! / Пусть он сведён к нулю»:

*Еще затушит дождь горящий мост,
и луч разгонит тень, скользнув по шторе,
сорвется ветка, разойдется море,
прольется краска свежая на холст,*

*капкан заклинит, лопнет тетива!..
В последний миг всё измениться может,
и торжество – мурашками по коже,
и сквозь пески – проросшая трава!*

Стихи Ирины Егоровой исполнены «возмутительного счастья»: её «пенной радости, похоже, / Не впрячь назад». Стихи безудержно задорны, молоды, оптимистичны – как и сама Ирина.

Ровно год назад в альманахе я написала: «Человеку важно с детства реально путешествовать по свету и дружить с детьми мира. Мне неоднократно приходилось наблюдать в Италии наших маленьких дипломатов: как умеют они дружить, находя выход из любой ситуации!», – в то же время меня буквально штормило: «Кровава – истина.

Земля – наш дом?! Наверное, не совсем наш, если от нас часто не зависит ровным счётом ничего – даже в собственной стране».

Глеб Пудов, напротив, предельно счастлив «под музейными сводами».

Мастерски выписана «Черепаша» Иоланты Сержантовой, важен посыл писательницы: «Когда светлые души объединяются, они обретают силу! [...] Научитесь видеть в людях под всей наносной шелухой свет чистой души! Обращайтесь только к этому свету, и вы увидите – какие чудеса станут происходить вокруг!»

Как всегда, убедительна Вера Сытник: «Какой парадокс: с открытием и освоением новых земель обживаемая человеком зона не расширялась, а сужалась, если смотреть на этот процесс философически.

Это так очевидно: присваивая себе новые пространства, человек неизбежно приближается к их краю, потому что в мире нет ничего такого, что когда-нибудь бы не закончилось. И вот, наконец, достигнут предел, за которым нет ничего нового. Вернее, есть, но нет ни технических, ни моральных сил для его освоения по той причине, что всё новое находится за пределами Земли, куда можно, конечно, выйти, но поселиться там нельзя.

[...] Придёт то золотое время, когда и человек, и его дом будут находиться в таких отношениях, при которых невозможны ни войны, ни пандемии».

На поэтических часах Юлии Ольшевской-Хатценбёллер – «Золотой век», в унисон с которым звучат строки Людмилы Миловацкой: «Везде было непривычно тихо, тишину нарушали только тиканье больших напольных часов и скрип половиц под его ногами. Тишина стала осязаемой и обрела собственное звучание».

«Любовь – это не просто слово или чувство, это энергия. Вы можете ее призывать, накапливать, хранить, посылать и фокусировать для множества применений. Она всегда доступна и никогда вас не подведет. Вы наделены способностью со-творения, ибо являетесь проводником Божественной Энергии Любви, которую черпаете из своего Высшего „Я“, – утверждает Людмила, словно перебрасывая мостик к стихотворению «Любовь» Ирины Яворовской, к её осени – «и в Берлине, и в Москве», к гриновским ветрам Зурбагана, к «драгоценным горам / и рекам [грузинской] земли», к «Рододендронам Приэльбрусью».

В путевых заметках «Сын белого офицера в стране папуасов» Людмила Ларкина, в частности, пишет: «Как хрупок мир. Как бережно мы должны относиться друг к другу, ценить каждый миг, каждый вздох и беречь нашу планету. Когда я писала эту статью, которая еще нигде не публиковалась, поскольку писала я именно для сборника «Наш дом Земля»... писала, вспоминала, перебирала фотографии и видеозаписи с художником и хранителем музея Алои Пилиоко... Тогда я еще не знала, что через месяц, в октябре 2020, хранитель музея „Искусство Океании“, Алои Пилиоко, покинет этот мир. Судьба подарила мне дружбу, общение еще с одним удивительным человеком – меланезийским аборигеном, бережно хранившим собранные ценности русским островитянином Николаем Мишуточкиным, доказывая, что для всех нас, даже через столетия, Земля – это наш единый дом.

В 2020 году отмечается 100-летие Великого Исхода русских из России. С уходом хранителя музея, созданного сыном русских беженцев, вынужденных покинуть Россию 100

лет назад, закрыта еще одна страница русских в рассеянии. Что будет с музеем, созданным потомком белого русского офицера на острове в Тихом океане? Сейчас этого никто не знает. Унаследуют музей 170 племянников Алои Пилиоко, о которых он с гордостью рассказывал, или правительство Вануату выделит средства на содержание экспозиции? Маловероятно для государства, испытывающего финансовые трудности. Земля, на которой стоит музей, расположена практически в центре города и привлекает китайских бизнесменов... А может, французы позаботятся о музее, созданном их соотечественником, которым они тоже по праву гордятся?.. Вопросов много.

Продолжение следует...».

К счастью, у нас много поводов гордиться соотечественниками, рассеянными по миру, дабы украшать Планету своими деяниями.

Таша Романова, живущая в России, – ещё один драгоценный перл в корону МГП: её поэзия и живопись исполнены любви и тёплых филигранных образов.

Илья Лируж. Светлая печаль. Великий поэт, не стремившийся к громкой славе. Просто преданно служивший своему делу: «с удовольствием отучился в институте (по своей рабочей специальности на факультете „металлические конструкции“), затем в 1964 году поступил на работу в НАУЧНО-ПРОЕКТНЫЙ институт – ЦНИИПСК им. Мельникова, где и отработал до 2011 года, т. е. безвылазно 47 лет, защитив по ходу диссертацию и закончив этот марафон главным инженером проектов и зав. отделом, причём тем самым отделом, в который пришёл по распределению „молодым специалистом“... И уверяю читателя, что это были стремительные, насыщенные творчеством годы и десятилетия, поскольку работа требовала создания новых конструктивных форм, научно-технических и экспериментальных исследований их возможностей, затем проектирования и, наконец, реального строительства этих объектов. [...] Ну, а стихи?! – да тут они, в параллели, но – „только тогда, когда не писать не могу“»...

Альбина Горбунова и «Озёрный край»: «Не тот, что в Латгалии или Сибири. Не тот, что в Австрии, Канаде или Финляндии. Другой – чилийский. Он находится в Северной Патагонии, и попасть туда можно только через Пуэрто-Монт – маленький город, основанный немецкими колонистами на берегу огромного озера Льянкиуе.

[...] Вот он – торт Наполеон! Берём кусочек. Совсем как бабушкин (она была поволжской немкой и Марьей-искусницей пирожных дел). В Германии таких уже не пекут, а здесь, надо же, умудрились сохранить рецептуру и не испортить её „улучшителями“. Довольные, мы благодарим „хранителя традиций“ заведения и идём к храму.

[...] Рядышком справа двухкилометровый „хулиган“ Кальбуко. [...] Но, если вас неудержимо тянет совершить восхождение, поднимайтесь на Осорно. Он виден слева.

[...] – Ух ты, жимолость, – говорит подошедший сзади муж. – Такая же росла возле нашего озера в Латвии.

– Точно! – тут же вспоминаю я. – И возле нашего, в Сибири...»

Сквозь строки повествования всеми фибрами души ощущаю: наши люди, хоть и на такси по заграницам ездят!

Посыл Альбины Горбуновой: «Живите с открытым сердцем. [...] Мы все разные, но мы пришли на эту планету с одной общей целью – повышение уровня просветленности планеты посредством проявления нашей Божественной сущности и преобразования негативности в любовь. Помните об этом в повседневной жизни».

В абсолютно «радужный мир» Владимира Бенцлера внезапно врываются «Тёмные силы»:

*Зло – энергию в пространство,
Не обдумав, люди слали.
В беззаконии и чванстве
Бездну чёрную ваяли.*

И тут же доброй феей является Тома Блум – «Записками Жанны»: «Всё будет иначе, ты только верь!..» Зная автора, даже не пытаюсь угадать, о каких «...мистических метаморфозах...» речь: просто послушно следую за нитью повествования, памятуя, однако, пустыню Татьяны Бадаковой: «Возникло вдруг ощущение, что мы оказались на фантастической планете из американских блокбастеров».

И вот уже герои Тома Блум предстают передо мной чюрлёнисовской «Сказкою королей»: «...Вижу Землю в своих руках. Неужели это и, правда, моя планета? Я такая большая и она – такая маленькая, помещается в ладонях. [...] И я снова держу земной шар – огромная прореха в его энергетическом поле. В моих пальцах игла, стежок за стежком я зашиваю, заделываю так, чтобы не осталось ни швов, ни рубцов. [...] ... мы смогли!.. [...] Мы связаны вечностью... [...] Спина к спине – это тоже мы. Именно так, а не по-другому. Он неизменно прикрывает мой тыл. Было ли когда-то иначе?.. [...] Мы сидим, соприкоснувшись коленями. [...] Теперь меня две – а раньше... [...] Так надо – поверь. [...] ...ОДНО, – ловлю в голове волну... [...] ...вас уже четыре... [...] Когда-то я мечтала быть с ним, но теперь... [...] Время ничто. [...] ...наши пальцы встречаются. [...] «Всё будет иначе, ты только верь!..»

И в финале – Татьяна Кайзер: «Много чего хранится в ячейках памяти нашей планеты. Время не стирает, не предаёт забвению.

[...] не убивайте живущее в вас чувство любви...»

2. О нас с вами

Не только Татьяна Бадакова как истинная калмычка – что видит, то поёт – на русском, но только ей подвластно ещё и калмыцкое стихосложение.

«Мы – люди, самые разумные существа на земле, мы создали цивилизацию. Жизнь любого создания нашего вида много ценнее жизни любого другого существа на земле. Мы уже разобрались с тем, что человек другой расы – это точно такой же человек, и с ним должно поступать так же, как и с ближайшим родственником. И всё. За пределы этого мы не выходим. А вот самый большой мозг у китов. Достигает девяти килограммов. Говорят, что они поют песни, помогают друг другу, а может быть, даже и переговариваются друг с другом. Насколько они животные, насколько они разумные существа? И хорошо ли это, когда люди убивают их для пищи?..» – размышляет фантаст Александр Василенко.

Татьяна Кайзер – дока в «социальной философии, исследующей структуру и пространство внутреннего мира человека». И ещё: «Захватила в плен детская литература. Стихи, сказки, рассказы. Писать для детей с их пытливым, доверчивым умом намного труднее. Это учит ответственности за используемые слова, за чистоту собственного восприятия представляемого им мира, учит обуздывать и греховное, проклевывающееся в нас, способное ввести их через наши сарказм, иронию в соблазн критики, сомнений, недоверия, отчуждения».

Ирина Егорова признаётся: «...я не могу сказать, что я пишу стихи. Скорее – это они меня пишут. Приходят, когда сами хотят, вытворяют со мной что-то. А после этого мне остаётся только записать их, уже прозвучавших, или перевести всё произошедшее на язык человеческих слов и тогда записать, а иначе будет очень мучительно. Так что участвую я в этом процессе непреднамеренно, но с наслаждением».

«Как выйти из квадрата или круга?» – вопрошает Таша Романова? Ольга Равченко попала в литературный круг 1999-м: «...я – не поэт. И тогда, и теперь хотелось писать воспоминания, то есть мои герои – мы, любимые. [...] О былом напишу, если Бог даст. [Год назад Ольга не могла себе представить, что к концу двадцать первого года сам собою напишется автобиографический роман, но тем не менее написала именно в нашем альманахе провидческие строки.]

[...] Я не волшебник, я только учусь».

Иное дело – Юлия Ольшевская-Хатценбёллер: ей «посчастливилось учиться у выдающихся профессоров и литераторов нашего времени», она «окончила Новосибирскую государственную консерваторию (академию) им. М. И. Глинки как оперная певица и преподаватель академического пения, давала концерты в России (Москве и Новосибирске) и, позднее, в Германии. Сейчас, в связи с выходом нескольких книг, акцент естественно сместился в сторону поэтического творчества...»

«Первый шок, наверное, испытала в юности, узнав из романа М. Э. Ремарка „Три товарища“, что „им“ тоже не чужды бескорыстная дружба и солидарность: что „они“ такие же, как и мы – люди Земли.

Потом были герои Экзюпери и Хемингуэя... Как-то не вписывались „хорошие – они“ в выстроенную мною систему ценностей... По идее, у „них“ всё должно бы быть плохо... И сами „они“ – плохие: как-никак – враги нашей системы»... Автору этих строк (то есть мне) – бальзамом на душу – откровение Людмилы Миловацкой, которая пишет «только о хороших, нравственно чистых людях»: на её «творческой палитре практически нет черных красок». Сейчас она работает над книгой о своей малой Родине – о Москве и москвичах. Слова Людмилы не стали для меня откровением: «Тотальная нелюбовь к столице давно стала притчей во языцех, хотя все лучшее, активное, самобытное страны стремится проявить себя именно здесь. Люди перестали видеть в Москве главный город страны, не замечая того дорогого и близкого, что есть в нём».

Спешу возразить: «Москвичка и гомельчанка наверняка по-разному ощущают Землю своею, что вполне естественно. Встречая Новый год в Москве, я иначе себя чувствую, а именно: Центром Вселенной. Особенно, если получаю поздравления, скажем, от госпожи Пас Домейко – из Сиднея, а она делится своими соображениями (?) и опасениями насчёт международного положения (приходом к власти, скажем, Дональда Трампа)».

С тех пор как увидела в Литгостиной Людмилу Ларкину, мечтаю познакомить её с правнучкой Игнация Домейко – гражданкой Австралии и Чили. «У каждого своя история, – уверена Людмила. – Всем очень хотелось рассказать, показать фотографии юности, свадеб, родителей и детей. Дети, внуки их не выслушивают. Все заняты, все спешат. Я сама помню, как папа пытался рассказать о войне, а мне все было не до его рассказов, а в воспоминаниях прожитых людей столько всего важного, мудрого, тайного. Как я говорю теперь: для меня каждый пожилой человек – это книга».

Даст Бог, встретятся однажды две писательницы – Пас Домейко и Людмила Ларкина, и появится очередная редчайшая книга.

Ирина Яворовская сочинила свои первые строки в девять лет – и с тех пор пишет как дышит.

Вселенная Глеба Пудова «держится на трех китах: семья, творчество, спорт».

Владимир Бенцлер воспевает женщину – любимую и мать.

Максим Сафиулин пишет о людях и для людей.

У Ольги Фокиной с детства – обострённое чувство справедливости: «...от невозможности молчать появились первые произведения», – а благодаря содружеству с поэтом и композитором Максимом Сафиулиным она оттачивает своё поэтическое мастерство.

Произведения Марины Ламбертц-Симоновой давно востребованы людьми и «даже приносят пользу». Что уж говорить о писательской и об издательской деятельности Лады Баумгартен?!

«Мне тут как-то задали вопрос: а писатель – он тот же учитель? Увы, но сегодня литература – по большей части развлечение. Умной и серьезной прозы мало. Можно было бы сделать акцент на том, что детская литература прививает детям то или это. Но... подержав в руках иные книги – задумаешься, что же они им дают? Порой кардинально противоположное тому, что бы надо. [...] Я бы некоторых „издателей“ лишила лицензии на издательскую деятельность и до конца их дней и на пушечный выстрел не подпускала к книжному бизнесу. [...] Для меня же лично, каждая книга, отработанная у нас, сродни выпестованному ребенку, которого грешно выпустить в мир без руки, ноги или глаза».

Золотые слова! Хорошая вышла у нас с вами книга!

В связи с чем признаюсь, что недавно мне явилась мечта – о Тихом океане, которую когда-то актёр Валерий Золотухин запросто окрестил «Дурью»: «Когда Любимов остался за границей, я хотел заняться пельменной, потом меня писатели втягивали в свой Союз и сами туда не принимали – там свои игры. Думал, буду писать. Но коль человека ударило сценой, то он уже не вернется в мир. Я не знаю такого примера, чтобы занимавшийся актерством совсем ушел бы из этого ремесла. Включая Шекспира! И Шукшин мечтал сесть за стол – и писать, и писать, и писать. И Высоцкий мечтал. И меня не обошла эта идея. Но это так, мечта. Мечта о Тихом океане...»

Зато какая мне открылась перспектива: от Австралии – до Чили!

Ольга Равченко, член МГП